

И.С.Тургенев

Новь

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

"Поднимать следует новь не поверхностно
скользящей сохой, но глубоко забирающим
плугом".

Из записок хозяина-агронома

1

Весною 1868 года, часу в первом дня, в Петербурге, взбирался по черной лестнице пятиэтажного дома в Офицерской улице человек лет двадцати семи, небрежно и бедно одетый. Тяжело шлепая стоптанными калошами, медленно покачивая грузное, неуклюжее тело, человек этот достигнул наконец самого верха лестницы, остановился перед оборванной полураскрытой дверью и, не позвонив в колокольчик, а только шумно вздохнув, ввалился в небольшую темную переднюю.

- Нежданов дома? - крикнул он густым и громким голосом.

- Его нет - я здесь, войдите, - раздался в соседней комнате другой, тоже довольно грубоватый, женский голос.

- Машурина? - переспросил новоприбывший.

- Она самая и есть. А вы - Остродумов?

- Пимен Остродумов, - отвечал тот и, старательно сняв сперва калоши, а потом повесив на гвоздь ветхую шинелишку, вошел в комнату, откуда раздался женский голос.

Низкая, неопрятная, со стенами, выкрашенными мутно-зеленой краской, комната эта едва освещалась двумя запыленными окошками. Только и было в ней мебели, что железная кровать в углу, да стол посередине, да несколько стульев, да этажерка, заваленная книгами. Возле стола сидела женщина лет тридцати, простоволосая, в черном шерстяном платье, и курила папироску. Увидев вошедшего Остродумова, она молча подала ему свою широкую красную руку. Тот так же молча пожал ее и, опустившись на стул, достал из бокового кармана полусломанную сигару. Машурина дала ему огня - он закурил, и оба, не говоря ни слова и даже не меняясь взглядами, принялись пускать струйки синеватого дыма в тусклый воздух комнаты, уже без того достаточно пропитанный им.

В обоих курильщиках было нечто общее, хотя чертами лица они не походили друг на друга. В этих неряшливых фигурах, с крупными губами, зубами, носами (Остродумов к тому же еще был ряб), сказывалось что-то честное, и стойкое, и трудолюбивое.

- Видели вы Нежданова? - спросил наконец Остродумов.

- Видела; он сейчас придет. Книги в библиотеку понес.

Остродумов сплюнул в сторону.

- Что это он все бегать стал? Никак его не поймаешь.

Машурина достала другую папиросу.

- Скучает, - промолвила она, тщательно ее разжигая.

- Скучает! - повторил с укоризной Остродумов. - Вот баловство! Подумаешь, занятий у нас с ним нету. Тут дай бог все дела обломать как следует - а он скучает!

- Письмо из Москвы пришло? - спросила Машурина погодя немного.

- Пришло... третьего дня.

- Вы читали?

Остродумов только головой качнул.

- Ну... и что же?

- Что? Скоро ехать надо будет.

Машурина вынула папиросу изо рта.

- Это отчего же? Там, слышно, идет все хорошо.

- Идет своим порядком. Только человек один подвернулся ненадежный. Так вот... сместить его надо; а не то и вовсе устранить. Да и другие есть дела. Вас тоже зовут.

- В письме?

- Да; в письме. Машурина встряхнула своими тяжелыми волосами. Небрежно скрученные сзади в небольшую косу, они спереди падали ей на лоб и на брови.

- Ну, что ж! - промолвила она, - коли выйдет распоряжение - рассуждать тут нечего!